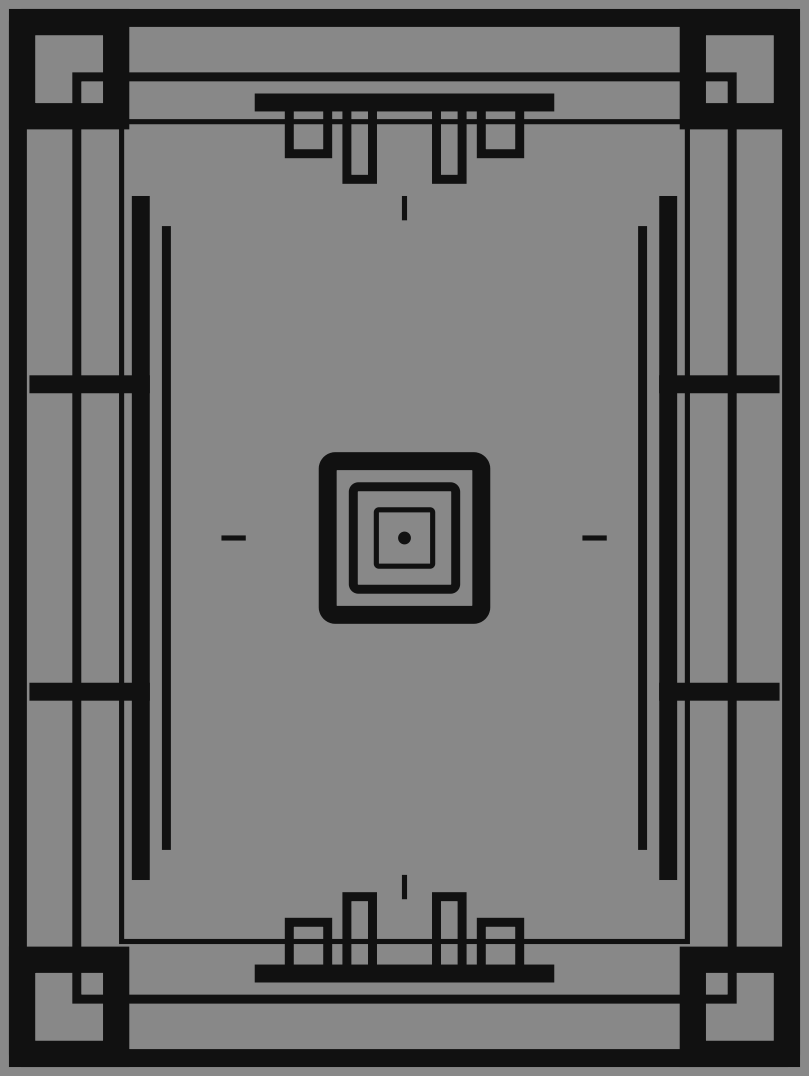

Горстка чернокнижников

Джим Бучер

Аннотация
Горстка чернокнижников

Аннотация

Рассказ, действие которого происходит задолго до "Грозы из преисподней". Анастасия Люччо прибывает в Додж Сити, охотясь на чернокнижника Александра Пэйджа.

Горстка чернокнижников

Американский Запад был не самой несчастной землёй, по которой мне когда-либо приходилось путешествовать — но был к этому очень близок. Именно пейзаж больше всего лишал присутствия духа — бесконечные, пустые равнины, которые не столько простирались, сколько уныло тянулись с различной степенью безнадёжности, с практически полным отсутствием в пределах видимости нормальных деревьев. Характерное для позднего лета солнце опаляло землю, превращая её в дно духового шкафа.

— Канзас начинает меня утомлять, — сказал мой не-конь. — Тут едва хватает рек, чтобы не дать мне умереть.

— Тихо, Карл, — сказала я *накену*. — Город недалеко — а с ним и чернокнижник. Я бы предпочла, чтобы мы не объявляли о нашем присутствии.

Накен глубоко и преувеличенно вздохнул, отчего заскрипело седло, и стукнул копытом о землю. С белоснежной шерстью и худым, мощным телом высотой в семнадцать ладоней, он был великолепным скакуном — по скорости не

уступал быстрейшим смертным лошадям, а по выносливости значительно их превосходил.

— Как пожелаешь, Анастасия.

— Страж Люччо, — едко выговорила я ему. — И чем раньше мы поймаем это существо и его хозяина, тем быстрее ты отработаешь свою повинность, и скорее сможешь вернуться к себе на родину.

Накен прижал уши к голове, услышав это напоминание о его обязательстве.

— Не смей на меня злиться, — сказала я ему. — Сам же обещал служить мне верным скакуном, если я смогу удержаться на тебе в течение часа и не упасть. Ты тогда решил, что я не смогу пережить поездку под водой — но едва ли в этом виновата я.

— Хм, — хмыкнул *накен*, злобно зыркая на меня. — Волшебники. — Однако же утихомирился. *Накены* были чудовищами-убийцами, но слово всегда держали.

В этот момент мы взошли на вершину чего-то, что можно было назвать «возвышенностью» лишь из великой щедрости, и я обнаружила, что смотрю вниз, на длинную, неглубокую долину, которая просто кишела жизнью. Она вся была покрыта огромным облаком мелкой пыли, под

которым скрывался целый улей обшарпанных деревянных зданий, выглядевших так, будто их наскоро соорудила за один вечер команда пьяных возчиков. Также был виден блеск рельсов железной дороги, которые использовали так часто, что они сияли даже сквозь облако пыли. К северу от железной дороги стояло белёное отражение этих зданий — аккуратные улицы и ряды хорошо построенных домов и деловых зданий. Загоны настолько длинные, что смогли бы опоясать некоторые горы, были заполнены маленьким морем скота, который загоняли мужчины, едва отличимые от их лошадей под покрывавшем и всадника, и скакуна слоем пыли. На одной стороне города был одинокий холмик с небольшим числом могильных камней на вершине.

И люди. Голова шла кругом просто от самого числа людей, суетившихся вокруг этого скопления зданий посреди всеми забытой глуши. Я немного посидела, ошарашенная энергичной огромностью этого места, которое выглядело подобным какой-то малоизвестной строфе из Данте — возможно, был такой круг ада в первоначальном варианте поэмы, но потом редактор его вымарал.

Чернокнижник, которого я преследовала, мог

сполна воспользоваться такой толпой, из-за чего моя работа становилась во много раз сложнее, чем была минуту назад.

— Итак, — кисло сказал *накен*. — Это, значит, Додж Сити.

* * *

Чернокнижник будет скрываться в той части города, где обитало всякое отребье — такие люди редко находили убежище среди флегматичных, трезвых горожан. Ощущение тревоги, которые они создавали вокруг себя, а также частые странные происшествия, являвшиеся результатом их способностей, заставляли их выделяться подобно кучам навоза на цветущих полях. Но эти же способности, которые в нормальном смертном обществе делали их изгоями, в тени этого общества им помогали.

Я поехала в ту часть города, что была к югу от железной дороги, и остановилась у первого же приличных размеров здания.

— Не дай себя украсть, — посоветовала я Карлу, спешиваясь.

Накен прижал уши к голове, и фыркнул.

Я улыбнулась ему, похлопала его по шее, и накинула его поводья на коновязь, которая была

установлена для этой цели рядом с первым зданием, которое, судя по виду, могло поддерживать существование людей, а не просто какого-то сброда. Я сняла лёгкий дастер, который сделал всё возможное для защиты моего платья от погодных условий, аккуратно повесила его на седло, и нацепила себе на пояс мой меч и пистолет.

Я зашла в здание, и обнаружила, что это были бани, совмещённые с борделем. Недолгий разговор с местной мадам вылился в предложение устроиться на работу, которое я вежливо отклонила, предложение принять ванну, которой я бы не смогла насладиться достаточно хорошо, чтобы меня удовлетворить — и указания относительно того, как найти самые злачные притоны головорезов в этом городе.

В первом из них чернокнижника не было, как и во втором, но к тому времени, как я ближе к закату добралась до Зала Танцев и Салуна «Длинная Ветвь», я была весьма уверена, что нашла нужного человека.

Я вошла в это заведение, окунувшись в волну умеренно ритмичного топота дюжины женщин, исполнявших на деревянной сцене некое подобие танца под народную музыку, исполняемую несколькими ловкими скрипачами. Бар уже

начал заполняться толпой шумных мужиков. Некоторые из них были только что из ванной, но на гораздо большем их числе было больше пыли, чем одежды, а кошельки их были набиты новой монетой.

Но, что важнее, воздух в этом заведении чуть ли не гудел от напряжения. На первый взгляд это было едва заметно — однако когда я вошла, взгляды метнулись к дверям чуть быстрее, чем следовало, и минимум половина мужчин в этом заведении стояли слишком напряжённо и настороженно для пьяных гуляк, празднующих свою жизнь и привалившие деньги.

— Прошу прощения, мэм, — послышался справа голос, когда я вошла.

Я повернулась, и обнаружила там очень высокого, тощего человека, у которого запястья торчали из рукавов его куртки. У него были густые, обвислые усы, шляпа с плоскими полями, звезда помощника шерифа на куртке — и пистолет он носил так, будто это оружие ему подарили сразу после рождения.

Вёл он себя спокойно, голос его был вежливым и дружелюбным… и у него был взгляд хищника — острый, ясный, и готовый в любой миг внезапно разразиться насилием.

— Да? — спросила я.

— В городе действует распоряжение о запрете ношения оружия, мэм, — сказал он. У него был низкий, музыкально резонирующий в его тощей груди голос. Он мне сразу понравился. — Если вы — не блюститель порядка, то вам придётся сдать оружие на время вашего пребывания в городе.

— Я нахожу это распоряжение весьма раздражающим, — сказала я.

В уголках его глаз появились морщинки, а его щёки слегка натянулись. Из-за усов было трудно видеть его губы.

— Будь я столь же миловидной женщиной, как вы, и в таком месте, я бы тоже счёл его весьма раздражающим, — сказал он, — но закон есть закон.

— А что говорится в этом распоряжении о мечах? — спросила я.

— На этот счёт я там ничего не упомню, — сказал помощник шерифа.

Я расстегнула свой пояс, и сняла с него мой пистолет, прямо с кобурой. Протянула ему:

— Полагаю, я могу отдать его вам, Помощник?

Он коснулся края своей шляпы, и забрал пистолет:

— Благодарю, мэм. Могу я узнать ваше имя, чтобы вам потом благополучно вернули оружие

обратно?

Я улыбнулась ему:

— Анастасия Люччо.

— Очень приятно, Анастасия, — сказал помощник шерифа. Он с прищуром посмотрел на моё оружие. — Уэбли. Та ещё пушка.

Он сам был немногим выше меня. Я подняла бровь, глядя на него, и улыбнулась:

— А я — та ещё женщина. Уверяю вас, Помощник, я более чем способна с ним обращаться.

Его взгляд сверкнул, показав расслабленность и веселье:

— Что ж. Люди много чего говорят, мэм.

— Когда я закончу здесь мои дела, быть может, мы выйдем за пределы города, и поспорим на двадцать долларов о том, кто из нас метче стреляет.

Он позволил своей голове запрокинуться, и коротко хохотнул:

— Мэм, проиграть в этом споре мне будет исключительно приятно.

Я снова оглядела салун:

— Похоже, сейчас тут поднялось какое-то напряжение, — сказала я. — Могу я узнать, почему?

Законник задумчиво сжал губы, а потом произнёс:

— Вас это особо волновать не должно, мэм.

Место это не деликатное, однако мы без благосклонности относимся к любому мужчине, готовому поднять руку на женщину. — В салун вошла пара ковбоев — громко смеявшихся и явно пьяных. Его спокойный взгляд проследил за ними. Он задвинул себе под табуретку мой всё ещё лежавший в кобуре пистолет, и снова коснулся пальцем края своей шляпы. — Весёлого вам вечера.

— Благодарю, Помощник, — сказала я. Затем вышла прямо в центр зала.

Будучи Стражем Белого Совета Волшебников, я много путешествовала, и имела дело с опасными людьми. Мне было комфортно в местах вроде этого, и в местах похуже, хотя я успела заметить, что этим местам редко было комфортно от моего присутствия. Единственные женщины в пределах видимости работали за барной стойкой, в кухне, и на сцене, поэтому я весьма выделялась. Не было особого смысла работать тонко, поэтому я нацепила на нос мои очки цвета бутылочного стекла, сосредоточилась на моих сверхъестественных ощущениях, и начала медленно оглядывать всё заведение.

Энергия, известная как магия, существует в широком спектре, примерно как свет. Как свет

может быть расщеплён на цвета с помощью достаточно широкой призмы, так и магическую энергию можно было легче рассмотреть с помощью надлежащих инструментов. Очки давали мне возможность видеть энергию, кружившуюся в этом людном помещении. На неё сильно влияло присутствие человеческих эмоций, и разные цвета собирались вокруг людей согласно их текущему настроению.

Многие ауры пятнало гневное алое напряжение, в то время как более весёлых пьянчуг окружали более светлые оттенки розового. Рабочие, включая танцовщиц и сдающих за столами, выделялись равномерным зелёным цветом сосредоточенных на своей работе людей, а помощник шерифа и мужчина с дробовиком, сидевший на высоком табурете в конце бара, пульсировали равномерной, защитной голубизной охранителей.

Чернокнижник сидел на балкончике с видом на сцену, и с ним за столом было ещё трое мужчин — они играли в карту. При взгляде через очки вокруг их игры так быстро собрались тени, что почти стало казаться, будто они погасили фонари и играли в темноте.

Я глубоко вдохнула. Один чернокнижник

обычно не был угрозой осторожному, хорошо обученному и правильно оснащённому Стражу. Двое могли стать серьёзным препятствием. Нынешний капитан Стражей, человек по имени МакКой, который был гораздо могущественнее и опытнее меня, однажды справился с троими.

Но наблюдая через очки, я осознала, что этот чернокнижник не просто был в бегах. Он бежал к своим собратьям.

Их было четверо.

Я сняла с себя очки, и подошла к свободному месту за стойкой, где меня, как я надеялась, ещё пару минут не заметят — и принялась в бешеном темпе думать.

Число имевшихся у меня вариантов только что сильно сократилось. В прямом столкновении с таким числом противников у меня будет очень мало шансов на победу. Это не значило, что я не могла на них напасть. Они были поглощены своей игрой в карты, и я не заметила никаких признаков магической защиты. Мощный удар мог бы сразить их всех разом.

Конечно, магия огня была единственной способной на такого рода работу — и она бы подожгла это набитое народом здание. Пропитанная дёгтем древесина, попавшая под удар сверхъестествен-

ного пламени, за считанные секунды начинает гореть адским пламенем. Более того, такое действие нарушило бы один из негласных законов Совета — волшебникам следовало как можно меньше пользоваться своими способностями в присутствии не ведающих о магии смертных. Прошло совсем немного времени с тех пор, как напуганные толпы людей сжигали представителей нашего рода на кострах.

Хотя я не могла просто на них напасть, я также не могла оставаться здесь, в ожидании. У чернокнижника будет гораздо меньше терзаний совести касательно раскрытия своих способностей на людях. Самым мудрым вариантом было бы доложить капитану, послать за подкреплением, и скрыто следовать за ними.

Я никогда не была особо осторожным человеком. Даже удлинённая жизнь волшебника была слишком коротка, а мир был слишком полон удовольствия и радости, чтобы растрачивать жизнь на безопасное прятанье.

Однако и глупой я не была.

Я повернулась, начала целеустремлённо идти к двери — и едва не ткнулась носом в лицо приятного мужчины сорока с лишним лет, аккуратно побритого и одетого в безукоризненного вида

костюм. Взгляд его зелёных глаз был твёрдым, а зубы слишком белыми для его возраста.

И он уткнул в меня маленький дерринджер, прямо под левую грудь.

— Вовремя, — сказал он мне с лёгким немецким акцентом. — Мы знали, что явится Страж, но мы думали, что это будет минимум через неделю.

— Не знаю, о чём ты, — сказала я.

— Пожалуйста, — сказал он, и в его взгляде мелькнуло что-то уродливое. — Если попытаешься мне воспротивиться, я убью тебя на месте. — Он плавным движением встал рядом со мной, взял мою левую руку в сгиб своей правой, а своей левой рукой расположил крошечный пистолет на моём плече, ловко пряча его, и одновременно направляя прямо мне в сердце. Он кивнул в сторону балкончика, и четверо находившихся там мужчин немедленно бросили карты, и спустились, направившись к выходу без единого взгляда назад.

— Ты совершаешь ошибку, — напряжённо сказала я ему. — Насколько я знаю, Совет не разыскивает тебя и твоих товарищей. Сегодня я сюда пришла не за вами. Я пришла лишь за Александром Пэйджем.

— Неужели? — спросил он.

— Он убийца. Укрывая его, вы стали сообщниками в его преступлениях, — сказала я. — Если убьёте меня, то лишь навлечёте на себя весь гнев Стражей. Но если немедленно отпустите, и разорвёте все узы с Пэйджем, то я не буду выписывать ордер на вашу поимку.

— Весьма щедрое предложение, Страж, — сказал немец. — Но боюсь, что у меня планы. А сейчас ты тихо пройдёшь со мной наружу.

— А если откажусь?

— Тогда я буду слегка разочарован, а ты будешь мертва.

— Ты будешь отнюдь не только разочарован, когда на тебя падёт моё смертное проклятье, — сказала я.

— Если бы ты прожила достаточно долго, чтобы его сотворить — то возможно, — сказал он. — Но я готов рискнуть.

Мой взгляд прошёлся по помещению в поисках вариантов, но их, похоже, было мало. Тот малый на высоком табурете следил за мужчиной, который сдавал карты за ближайшим столом. Ковбоев гораздо больше интересовали пьянство и веселье, чем то, что, с их точки зрения, скорее всего было похоже на внутрисемейную ссору между женой, явившейся вытащить супруга из гнезда порока, и

её мужем. Даже помощник шерифа куда-то исчез, его табурет опустел.

Ага.

Я повернулась к немцу, и сказала:

— Ладно. Продолжим этот разговор в каком-нибудь другом месте.

— Не думаю, что ты понимаешь, в каком положении ты находишься, Страж, — сказал немец, когда мы продолжили путь к выходу. — Я не прошу твоего согласия. Я лишь информирую тебя об имеющихся у тебя вариантах.

Я слегка вздрогнула при звуке этих слов, и позволила страху проступить на моём лице:

— Что ты собираешься со мной делать? — спросила я.

— Ничего хорошего, — сказал он, и в его взгляде блеснуло что-то маниакальное и голодное. Затем он нахмурился, заметив, что его последние слова прозвучали в полной тишине, лишённой звуков музыки и топота ног.

В этой тишине также особенно значительным образом прозвучал механический щелчок.

— Мистер, — сказал рослый помощник шерифа. — Отдавайте-ка эту мелкую пушку, иначе следующая ваша шляпа будет на пару размеров меньше.

Помощник шерифа успел за это время тихо зайти ему за спину, и теперь его револьвер находился менее чем в футе от затылка немца.

Я позволила выражению страха сойти с моего лица, и мило улыбнулась моему пленителю.

Немец замер, в его глазах внезапно заполыхала ярость, когда он осознал, что я его отвлекла — так же, как его товарищи отвлекли меня. Дерринджер ещё сильнее вонзился мне под рёбра, когда он слегка повернул голову к помощнику шерифа:

— Ты имеешь хоть какое-то представление, кто я такой?

— Ага, — спокойно сказал помощник шерифа. — Ты — тот малый, который сейчас тихо пройдёт со мной, или пораскинет мозгами.

Немец прищурился, и заскрипел зубами.

— Он не просит твоего согласия, — сказала я. — Он лишь информирует тебя об имеющихся у тебя вариантах.

Немец выругался на своём родном языке. Затем убрал маленький пистолет у меня из-под бока, и медленно протянул его на своей ладони.

Помощник шерифа забрал оружие, ни на миг не опустив свой собственный пистолет.

— Ты пожалеешь об этом, — сказал немец. — Кем ты себя возомнил?

— Меня зовут Уайетт Эрп[1], — сказал помощник шерифа. — И я возомнил себя законом.

* * *

Эрп отвёл немца в здание начальника полиции, располагавшееся на южной стороне железной дороги, и имевшее в наличии парочку камер с железными прутьями. Я повела Карла следом — к счастью, *накен* в кои-то веки идеально играл роль лошади, когда я привязала его к коновязи рядом со зданием.

— Помощник, — сказала я, когда мы вошли в помещение. — Не думаю, что вы понимаете величину этой угрозы.

Эрп передал мне фонарь, и кивнул в сторону крюка на стене. Я повесила туда светильник, пока он вёл немца к камере, постоянно держа его на мушке. Он заставил немца опереться обеими руками на стену, и обыскал его на предмет оружия, вытащив маленький нож… и спокойно охватывавший его шею кожаный шнурок с висевшим на нём амулетом.

— Что? — спокойно спросил он. — Потому что

---

[1] Примечания: 1

Реально существовавший страж порядка времён дикого Запада, а также герой массы художественных произведений о том времени

он чародей? Вы об этом?

Я почувствовала как мои брови поползли вверх. Обычно и очень часто представители власти имеют очень мало взаимодействий с миром сверхъестественного.

— Да, — сказала я. — Именно это я и имею ввиду.

Эрп подошёл ко мне, и протянул шнурок с висевшим на нём простым, круглым медным амулетом. На его поверхности был вырезан знакомые символ — череп, искажённый и жутко вытянутый, отмеченный на лбу одним косым, асимметричным крестом.

— Общество Туле[2], — пробормотала я.

— Хм, — сказал он, будто то, что я распознала этот символ, скорее подтвердило его подозрение, а не удивило его. — Полагаю, тогда вы из Белого Совета.

Я посмотрела на него, склонив голову на бок:

— Страж. Боже, да вы прекрасно информированы. Должна спросить, откуда вы знаете о Совете, сэр?

— Венатор, — просто сказал он. — Ожерелье продул в карты. Хотите — верьте, хотите — нет,

---

[2] Примечания: 2

Туле — немецкое оккультное и политическое общество. По официальным данным образовано в 1918 году.

но это правда.

Venatori Umbrorum сами представляли из себя тайное общество, пропитанное мистикой, тихо работавшее против сверхъестественных сил, грозивших человечество. В их числе было немного скромно одарённых волшебников, но зато само это число было очень велико, что означало множество глаз и ушей. Это общество было давним союзником — более менее — Белого Совета… так же, как Общество Туле было более-менее давним врагом, использовавшим свои ресурсы в попытке применить сверхъестественные силы для своей собственной пользы.

Я задумчиво посмотрела на Эрпа. Наверное, была вероятность того, что он заодно с немцем, и они играют какую-то коварную игру. Но это казалось маловероятным. Если бы они с немцем хотели меня убить, то Эрп мог просто посмотреть, как тот выводит меня из салуна, и никак на это не отреагировать.

— Я вам верю, — просто сказала я ему.

— Эта камера заговорена, — сказал Эрп. — Изнутри неё он мало что сможет сделать. — Он глянул на немца, и холодно улыбнулся ему. — Однако если что-то попытаешься сделать, поднимется много шума. Думаю, я успею тебя подстрелить

раз пять-шесть, прежде чем ты сможешь собрать достаточно магии, чтобы кому-то навредить.

Немец уставился на Эрпа взглядом прищуренных глаз, а затем внезапно улыбнулся, и будто бы расслабился. Он расстегнул свой воротник, развязал галстук, и уселся на неудобную тюремную лежанку.

— М-м-м, — сказал Эрп с выражением лёгкого отвращения на лице. Он с прищуром оглядел комнату, и глянул на окна. Затем перевёл взгляд на меня, и сказал: — Значит, Страж. То есть, законник… — Он сжал губы. — Я хочу сказать, у вас есть значок.

— Что-то навроде того, — сказала я.

— Я имею ввиду, вы можете сражаться, — сказал Эрп.

— Могу, — сказала я.

Он прислонил своё длинное тело к стене рядом со столом, и дёрнул подбородком в стороне немца:

— Что думаете?

— Я думаю, что у него четверо друзей, — сказала я. — Все они одарённые. У ваших окон есть ставни?

— Ага.

— Тогда нам следует их затворить, — сказала

я. — Они придут за ним.

— Чёрт, — протянул он. — Я думаю то же самое. До рассвета?

Часы тьмы были самым лучшим временем для любителей практиковать тёмные искусства, как по практическим, так и по чисто психологическим причинам.

— Почти наверняка.

— И что вы об этом думаете?

Я сощурила глаза, и сказала:

— Я против этого возражаю.

Эрп кивнул, и сказал:

— Я немногое могу против направленных на меня заклинаний. Вы можете им противиться?

— Могу.

Эрп немного поизучал меня оценивающим взглядом тёмных глаз. Затем, похоже, пришёл к какому-то решению:

— Предлагаю мне взять за себя закрытие ставен, — сказал он. — Если только вы не хотите, чтобы я занялся кофе, а я этого не рекомендую.

Я содрогнулась при мысли об американском кофе.

— Этим я сама займусь, — сказала я.

— Хорошо, — сказал он. — Так и поступим.

* * *

— Что ж, — сказал Эрп несколько часов спустя. — Всё это ожидание мне не по нраву. Но кофе чертовски хорош, Мисс Анастасия.

Я, конечно же, использовала магию при его готовке. Зёрна не были правильно прожарены, а кофемолка, которая их молола, делала это слишком уж грубо. Некоторые из Стражей считали мои заклинания для приготовления кофе пустой растратой времени перед лицом всей тьмы в этом мире… но чего хорошего в магии, если её нельзя использовать для создания вкусной чашки хорошего напитка?

— Просто радуйтесь, что вы не попросили меня заняться стряпнёй, — сказала я. — Она в число моих дарований не входит.

Эрп шумно выдохнул носом:

— В вас мало женственности, мэм, уж простите за такие слова.

Я мило улыбнулась ему:

— Сейчас я при исполнении.

Он хмыкнул:

— Ищете того Пэйджа, да?

Я кивнула.

— За что он разыскивается?

— Убил трёх человек в Ливерпуле, — сказала я. — Девушку, которая ему приглянулась, и её родителей.

— Полагаю, он не приглянулся ей в ответ, — сказал Эрп. — Он их застрелил?

Я покачала головой, и подавила дрожь, вызванную воспоминанием о том месте преступления.

— Он вырвал им глаза и языки, — сказала я. — А пока они лежали, ослепшие и истекающие кровью, сделал и другие вещи.

Эрп моргнул.

— Видел я уже таких типов. — Он бросил взгляд на немца.

Немец сидел в том же самом месте, куда уселся несколько часов тому назад. У него были закрыты глаза… но он слегка улыбнулся, будто ощутив на себе взгляд Эрпа.

Эрп повернулся обратно ко мне:

— Что случится с Мистером Пэйджем, когда вы его поймаете?

— Его дело справедливо рассмотрит суд, а потом, наверное, ему отрубят голову за его преступления.

Эрп поизучал ногти на своей правой руке:

— По-настоящему справедливый суд?

— Доказательства его полностью компромети-

руют, — сказала я. — Но процесс будет достаточно честным.

Эрп снова опустил руку. Она очень естественным образом легла на рукоять его пистолета.

— Я бы ни за что не хотел на такой процесс попасть, по возможности, — сказал он.

Я знала, что он имел ввиду. Бывали моменты, когда мне не нравились те вещи, которые было необходимо делать, чтобы разобраться с разными чудовищами — что в человечьем обличии, что без него. Полагаю, у Эрп и сам сталкивался с ужасами, и занимался необходимой для их удаления грязной работой.

После таких дел оставался груз.

— Я бы и сама не хотела, — сказала я.

Он кивнул, и какое-то время мы оба попивали кофе. Затем он сказал:

— Когда мы с этим закончим, я бы хотел угостить вас хорошим ужином. Когда вы не при исполнении.

Я обнаружила, что улыбаюсь в ответ на эти слова.

Я была привлекательной женщиной, и это всего лишь утверждение истины, а не эгоизм. Я хорошо одевалась, ухаживала за собой, и часто привлекала внимание мужчин и женщин, же-

лавших моего общества. Когда я была моложе, это было источником великой радости и веселья, но в нынешние времена у меня не было для этого нужного терпения.

Однако Эрп был интересен, и в его худощавая, тихая уверенность была чертовски привлекательна.

— Возможно, — сказала я. — Если дела позволят.

Довольный — судя по его виду — Эрп отпил ещё кофе.

* * *

Город потемнел и затих, включая салуны, по мере того, как ночь перешла к тем тихим, холодным часам тьмы и неподвижности, которые наступали незадолго до первых признаков рассвета.

Ведьмин час.

Мы с ним одновременно услышали шаги, приближающиеся к двери в здание полиции. Эрп к тому времени уже повесил себе на пояс второй револьвер, третий положил в лёгкой доступности на столе, и встал со своего стула, держа в руках дробовик с обрезанным менее чем до фута стволом.

Моё собственное оружие было столь же готово,

путь его и было труднее заметить, чем у Эрпа. Я быстро начертила мелом круг на полу, и была готова напитать его энергией в качестве защиты от враждебной магии. Меч у меня на бедре покалывал магией, которую я влила в него в течение этого вечера, и был готов разрубить нити, скреплявшие заклинания — а ещё я держала наготове у себя в голове щит, чтобы предотвратить атаки на мои мысли и эмоции.

И, конечно же, моя рука лежала на моём револьвере. Магия — это, конечно хорошо, но пули часто оказываются быстрее.

Шаги затихли прямо перед дверью. А затем в неё вежливо постучали.

Лицо Эрпа исказилось от неприязни. Он подошёл к двери, открыл в нём маленькое окошко, при этом не показываясь тому, кто стоял снаружи. Также он навёл на дверь дробовик, целясь примерно в туловище того, кто мог находиться по ту сторону.

— Добрый вечер, — сказал Эрп.

— Добрый вечер, — донёсся снаружи мужской голос. Акцент был британским, будто из богатых слоёв общества, приятный тенор. — Могу я, пожалуйста, поговорить с Мистером Уайеттом Эрпом?

— Это я, — протянул Эрп.

— Мистер Эрп, — сказал британец. — Я пришёл сделать вам предложение, которое позволит избежать любых неприятностей в непосредственном будущем. Вы согласны меня выслушать?

Эрп посмотрел на меня.

Я пожала плечами. С одной стороны, рассмотрение возможности избежать боя всегда ценно. С другой, я не была уверена в том, что член Общества Туле сдержит слово. Вообще говоря, я сделала пару шагов к задней части здания, чтобы можно было услышать что-то, если это было какой-то попыткой нас отвлечь.

Эрп одобрительно кивнул.

— Я вот что вам скажу, — сказал он британцу. — Я сейчас постою тут, тихо считая до двадцати, а потом начну стрелять. Ежели скажете что-то интересное до той поры, то, может, и сговоримся.

На секунду повисло озадаченное молчание, и британец сказал:

— Насколько быстро вы считаете?

— Уже начал, — сказал Эрп. — А вы сейчас только себе вредите.

Британец ещё мгновение помедлил, и начал говорить ровным, хоть и чуть поспешным тоном:

— При всём уважении, этот бой вам не выиграть, Мистер Эрп. Не будь здесь Стража, данного

разговора бы не состоялась. Её присутствие означает, что нам, возможно, придётся бороться с вами, чтобы получить желаемое, а не просто взять его… но это ведь наверняка привлечёт много такого внимания, какого её братия предпочитает избегать, и бессчётное число невинных жизней подвергнет опасности.

Пока он говорил, Эрп внимательно прислушивался, тщательно поправляя наводку своего дробовика на несколько градусов.

— Чтобы избежать такого исхода, вы отпустите нашего товарища невредимым. Мы немедленно покинем Додж Сити. Вы со Стражем останетесь в здании полиции до рассвета. В качестве дополнительного стимула мы добьёмся того, чтобы распоряжения против заведения вашего друга Мистера Шорта были вычеркнуты из законов города.

На это Эрп хмыкнул.

Я посмотрела на него, подняв брови. Он поднял ладонь, и слегка покачал головой, безмолвно прося меня подождать с вопросами.

— Итак, Мистер Эрп? — спросил британец. — Сможем ли мы, как вы очень метко подметили, сговориться?

Что-то мелькнуло во взгляде Эрпа. Он посмот-

рел на меня.

Я вытащила свой револьвер.

Это действие породило такую улыбку, что стали видны некоторые его зубы, даже через усы. Он поднял голову, и сказал:

— Восемнадцать. Девятнадцать…

Британец заговорил твёрдым голосом, который предполагался угрожающим, но его несколько подрывал тот факт, как быстро он поспешил прочь от двери:

— Решайте в ближайшие полчаса. Второго шанса не будет.

Я подождала ещё немного, потом посмотрела на Эрпа, подняв бровь:

— Полагаю, условия он предложил хорошие?

Эрп опустил дробовик, убирая взведённые курки, и задумчиво прищурился:

— Что ж. Может — хорошие, может — нет. Но звучат они очень хорошо, и я думаю, он к этому и стремился.

— Что конкретно он предлагал?

— У Билла Шорта неприятности с ребятами к северу от путей. Они хотят очистить Додж Сити. Сделать его полностью приличным. Что, по моему мнению, само по себе дело неплохое. Им надо о детях думать. Вот, а партнёр Билла выдвигался

на мэра — и проиграл. А тот парень, который выиграл, принял против заведения Билла некоторые законы, арестовал часть его девочек, и всё такое. Билл возражал, были выстрелы, но никто не умер, ничего такого. Затем толпа народу схватила Билла и некоторых других ребят, которых северные сочли негодяями, и вышвырнула их из города.

— Понятно, — сказала я. — А вы тут при чём?

— Ну, Билл на поезде смотался в Канзас Сити, и собрал там друганов. Меня, Бата, Дока, и ещё нескольких.

Я бросила взгляд на этого тощего мужчину, который так легко носил оружие:

— Людей вроде вас?

— Ну, — сказал Эрп, и на краях его усов мелькнула тихая улыбка. — Я бы не захотел переходить этим ребятам дорогу, если вы понимаете, о чём я, Мисс Анастасия.

— Понимаю.

— Вот, и мы пробираемся в город, чтобы обговорить это с мэром без вершащей самосуд толпы, — продолжил Эрп. — По одному человеку, чтобы не поднимать слишком много шума. — Он открыл глазок в двери, и вгляделся в него. — Я вызвался помощником шерифа, чтобы можно

было носить оружие. Сидел в «Длинной Ветви» с Батом.

— Это против того салуна мэр принял закон?

— Ну, это не закон штата, — сказал Эрп. — Скорее недопонимание. Видите ли, хоть добрые люди к северу от путей и не хотят этого признавать, город живёт за счёт скота и этих ковбоев. А эти ребята не хотят в конце трёхмесячной скачки по бездорожью приезжать сюда за приятной ванной и чашечкой чая. Места, по которым они ездят, бывают трудноватыми. Поэтому они тратят здесь свои деньги, спускают пар. — Он потёр свои усы. — Чёрт, да здесь грехи — это валюта. Это любой дурак видит. Эти добрые люди своим благочестием оставят сами себя без дома. — Он вздохнул. — Чёрт тебя дери, Док. Почему ты ещё не здесь?

— Ваш друг? — спросила я.

— Холлидэй[3], — подтвердил Эрп. — Хороший малый для всяких заварушек. К тому же, у него на шее два амулета Венаторов. Второй амулет он выиграл у одного дурака в фараон.

— Мне надо знать, — сказала я, — собираетесь ли вы всерьёз рассмотреть предложение Обще-

[3] Примечания: 3

Док Холлидэй, ещё один исторический персонаж, друг реально существовавшего Уайетта Эрпа

ства Туле.

— Не могу я его рассмотреть, Мисс Анастасия, — сказал Эрп. — Они всего лишь предлагают мне то, что я и сам могу заполучить.

Я обнаружила, что улыбаюсь в ответ на это:

— Вы готовы вызвать на бой весь город? Ради салуна вашего друга?

— Дело не в салуне, мэм, — протянул Эрп. — Это дело принципа. Нельзя, чтобы толпа самовольно выдворяла человека из города, иначе скоро все так делать начнут.

— Если это дело рук целой толпы народу, — с улыбкой сказала я, — то разве это не означает, почти, что это и так уже делают все?

В ответ на это в уголках глаз Эрпа появились морщинки, и он постучал пальцем по краю своей шляпы.

— Идиот, — презрительным голосом сказал из своей камеры немец.

— Иногда, — не стал отрицать Эрп. Он закрыл глазок, и сказал: — Эти ублюдки из Туле не будут ждать полчаса. Такие змеи предпочитают приходить пораньше.

— Согласна, — сказала я. — Но мне кажется маловероятным, что они начнут с перестрелки.

— Не могу не согласиться, — сказал Эрп. —

Конечно, может, это говорит моя гордость, но пытаться ворваться сюда мне тоже не кажется хорошей идеей с их стороны.

Тут-то и послышался бой барабанов, медленный ритм по тьме.

Я почувствовала, как у меня захватило дыхание.

Немец улыбнулся.

Эрп резко глянул на меня, и спросил:

— Что это значит?

— Проблемы, — сказала я. Я бросила внимательный взгляд на немца. — Мы просчитались.

Немец улыбнулся шире. Его глаза блаженно закрылись.

— Что ты? — потребовала я.

Он промолчал.

— Что за хрень тут происходит? — сказал Эрп достаточно приятным тоном.

— Этот человек — не просто член Общества Туле, — сказала я. Я направила своё внимание вовне тюрьмы, где уже могла ощущать начавшую собираться тёмную, холодную, ползучую энергию. — Мы имеем дело с некромантами. Они взывают к мёртвым. Поблизости есть кладбище?

— Ага, — сказал Эрп. — Бут Хилл.

— Помощник, — сказала я. — Нам нужен план.

* * *

— Блин, — сказал Эрп полчаса спустя, глядя в глазок. — Эти ребята мне не особо нравились ещё тогда, когда я стрелял в них первый раз. — Он добавил себе на пояс ещё один револьвер, и сменил дробовик на магазинную винтовку. — И время их не пощадило. Насчитал больше тридцати штук.

Я подошла к Эрпу, и встала на цыпочки, чтобы выглянуть в глазок. Мы снизили яркость фонарей до минимума, и лунного света как раз хватало, чтобы я могла увидеть мрачные, молчаливые фигуры, бредущие и ковыляющие по улице в направлении тюрьмы. Это были трупы, по большей части истлевшие до костей с ужасными ошмётками задубевшей кожи и редкими клочками тонких, ломких волос.

— С той стороны ещё, — сказал Эрп. — Сорок. Возможно сорок пять.

— Если ими правильно распорядиться, и дюжины хватит, чтобы убить нас обоих, — сказала я ему. Я положилась на удачу, и открыла свой третий глаз, изучив потоки энергий вокруг приближающихся страшилищ. — Нам повезло. Эта нежить ещё не полностью восстала. Кто бы их ни призвал, он пока ещё не научился толком это

делать. Эти существа представляют из себя нечто немногим большее, чем конструкты… просто смертоносные, и почти неуязвимые.

Он покосился на меня:

— Мисс Анастасия, никакой разумный человек не назвал бы такие слова успокаивающими.

Я почувствовала, как сжимаю губы:

— После некоторого предела численность едва ли имеет значение. Барабан бьётся вместо их сердец… он одновременно управляет конструктами, и поднимает их. Остановим его — остановим их всех, пусть их будет хоть тысяча.

— А до тех пор?

— До тех пор цельтесь в голову. Это должно нарушить управляющее ими заклинание.

Эрп оглянулся через плечо на немца. Тот выглядел гораздо менее самодовольным или расслабленным, чем ранее этим вечером. Следуя моим указаниям, Эрп некоторое время назад привязал его к одной из деревянных балок, поддерживавших крышу, и тщательно заткнул ему кляпом рот. Я же очертила его кругом силы, который напитала достаточным количеством энергии, чтобы не дать немцу дотянуться наружу в поисках магической мощи. Эти предосторожности были сделаны на скорую руку, но мы не могли

дать немцу возможность напасть на нас, пока мы отвлечёмся. Такие меры помешают любой особо опасной атаке… и не помешают пуле Эрпа найти череп немца, если тот попытается сделать что-то не мгновенно летальное.

Я отошла от окна, закрыла глаза, и реализовала заклинание связи, которое ранее установила с *накеном*.

— «Карл», — мысленно прошептала я, — «Ты готов?»

— «Естественно», — ответил *накен*.

— «Ты нашёл Общество Туле?»

В ответе тёмного фэйре послышался намёк на веселье:

— «На крыше третьего здания вдоль по улице, на той стороне. Они, похоже, думают, что скрыли себя наговорами от взора».

— «Отлично», — ответила я. — «Значит, мы скоро начнём».

— «Четыре чернокнижника», — задумчиво сказал Карл. — «Ты же понимаешь, что твоя смерть избавит меня от нашего уговора?»

Я заскрипела зубами, промолчав. Затем взвела револьвер, повернулась к Эрпу, и кивнула.

— Похоже, расклад плохой, Мисс Анастасия, — сказал Эрп. — Но мы разыграем его до конца.

И без дальнейших демонстраций Уайетт Эрп спокойно открыл дверь в тюрьму, поднял винтовку к плечу, и вышел, стреляя на ходу, а я двинулась следом.

Эрп был профессионалом. Он не стрелял поспешно. Прицелился в ближайшую ковыляющую фигуру, и всадил тяжёлую пулю ей в череп. У трупа ещё не успели подогнуться коленки, как Эрп уже передёрнул затвор, и прицелился в следующую ближайшую цель. После второго оглушительного выстрела, когда звук начал затихать, толпа трупов испустила наводящую ужас волну сухих, пыльных завываний, и начала ожесточённо ковылять вперёд.

Я подняла свой Уэбли, прицелилась, и сама сразила один из трупов… хотя за то время, которое это у меня отняло, Эрп повалил ещё троих, хотя, казалось бы, не спешил.

— Карл! — крикнула я.

Послышался грохот копыт, бьющих по немощёной улице, и подобно призраку в ночи появился огромный белый конь. *Накен* просто-напросто затоптал полдюжины трупов, ещё двоих оттолкнул в стороны, а другого лягнул в грудь с такой силой, что скелет отлетел на другую сторону улицы, и взорвался облаком размозжённых костей.

— Я вскочила *накену* на спину — и в этот момент во вспышке летней молнии увидела мертвецов, двигавшихся вперёд подобно неотвратимому приливу. Ещё два существа потянулись ко мне, загребая своими костлявыми пальцами. Одного я оттолкнула ногой, а второму прострелила череп из Уэбли, после чего Карл поскакал вперёд.

Я оглянулась через плечо, и увидела, как Эрп схватил опустевшую винтовку за ствол, и размозжил череп одного из трупов прикладом. Этим он выиграл себе достаточно времени, чтобы отойти к двери тюрьмы, беря по револьверу в каждую руку. Сзади монотонной чередой зазвенели выстрелы.

— На крышу! — огрызнулась я на *накена*.

И тёмный фэйре явил свой истинный облик.

Белая лошадиная плоть набухла и разорвалось, темнея до нездорового, утопного сине-серого цвета. Воздух наполнил ужасный запах, а тело *накена* раздулось до почти невозможных пропорций. От тела Карла поднялись удушающие миазмы запаха тухлой воды и гнилого мяса, и мощным усилием, которое грозило совсем сбросить меня с его спины, несмотря на седло, *накен* прыгнул с улицы на балкон ближайшего здания, перескочил на более низкую крышу здания по со-

седству, а затем сменил направление, и прыгнул на крышу здания с балконом.

Нас ждало Общество Туле.

Крыша была плоской, и не особо большой. Большую её часть занимала начертанная пентаграмма, концы звезды которой выходили за пределы её круга — символ хаоса и энтропии, не скованных кругом воли и сдержанности. Воздух дрожал от той же холодной и жуткой энергии, которую я ощущала ранее. В каждом из лучей звезды горели зелёным светом факелы… а в центре на коленях стояла моя цель, чернокнижник Александр Пэйдж — пухлый, кислого вида молодой человек, равномерно бивший в барабан, похоже, индейского производства.

Британец и двое других представителей Туле образовали защитный треугольник вокруг Пэйджа, за пределами круга. Британец выпучил глаза, когда свирепый *накен* приземлился на крыше — от его веса и мощи у всех под ногами тряхнуло доски.

— Убить Стража! — крикнул британец.

Он выбросил вперёд руку, и пространство между нами разрезал зеленоватый разряд молнии. Я была готова отразить заклинание, но оно было плохо нацелено, и промахнулось… но попало в

одну из задних ног Карла.

Накен встал на дыбы от боли, и яростно заорал. Я вылетела из седла, едва сумев приземлиться на здание, а не упасть на улицу за пределами крыши. Приземлившись на ноги, я откатилась в сторону, избегая облака злого вида пауков с красными песочными часами на спинах — один из чародеев Туле призвал их, и натравил на меня.

Встав на ноги, я дважды выстрелила в него из Уэбли… но первый выстрел не был прицельным, а второй отклонился в сторону, когда третий чародей Туле призвал из ниоткуда что-то вроде маленькой кометы, и метнул её мне в голову. Я подняла левую ладонь в защитном жесте, выкрикнув слово для обороняющего заклинания, и комета раскололась о невидимую преграду в футе от моей головы, взорвавшись раскалёнными добела осколками, с шипением разлетевшимися во все стороны.

Пэйдж получил осколок в плечо, и тихо заверещал от неожиданной агонии, выронив сжатую в этой руке барабанную палочку.

— Нет! — завизжал британец. — Ничего не важно, кроме Хозяина! Не прекращай ритм!

Пэйдж, с искажённым от боли лицом, подобрал палочку, и возобновил ритм… и одновременно

накен яростно поскакал на Пэйджа.

Трое стоявших чернокнижников поспешили заслонить его собой… но *накен* ударился в травящую силу напитанного ими злого круга — он не мог пересечь его, как и любой другой фэйре.

Но за то время, которое им потребовалось, чтобы это осознать, я уже отдышалась, вернула себе равновесие, прицелилась из Уэбли, и отправила несколько унций свинца в гремучий полёт сквозь грудь и, удар сердца спустя, сквозь череп второго чародея Туле.

Пэйдж заорал от ужаса. Третий Туле развернулся ко мне, и бросил в мою сторону несколько со свистом разрезающих воздух комет, изрыгая проклятия с каждым броском. Я бросила опустевший револьвер, и обнажила свой меч. Зачарованная полированная сталь ярко сияла даже в тусклой ночи, и несколькими быстрыми ударами я рассекла энергии, скреплявшие боевые заклинания, нарушая их структуру, и превращая их из опасных взрывоопасных объектов в растворяющиеся облака светящихся фиолетовых искр.

Между тем британец выпрыгнул из круга, произнёс громоподобное слово силы — и Карла улетел по воздуху подобно получившему пинка котёнку. *Накен* яростно заорал, и исчез во тьме.

Времени не оставалось. Я метнулась вперёд, сбивая одну смертоносную комету за другой, и скользящим ударом вогнала мой тонкий клинок в рот третьему Туле.

Клинок глубоко вошёл, пробив нёбо и череп, и я внезапно ощутила через свой меч как этот человек бьётся в конвульсиях — ощущение было странно похоже на то, как бьётся попавшаяся на крючок рыба. Я вывернула клинок, и выдернула его S-образным движением — он вырвался изо рта чародея с фонтаном крови.

Я резко развернулась, подняв левой рукой щит, и едва успела перехватить ещё один удар нездорового цвета зелёной молнии. Она взорвалась светящейся паутиной прямо перед моей вытянутой ладонью, прыснувшие вокруг разряды обожгли крышу, создав полдюжины маленьких очагов возгорания.

— Гривейн! — заорал Пэйдж.

— Барабан! — громогласно крикнул британец, поднимая руки у себя над головой с искажённо раскрытым ртом.

И я тут же услышала сухой, щёлкающий, скрежещущий звук — мертвецы начали карабкаться к нам по стенам здания.

Меня наполнил ужас. Моих союзников больше

не было, врагов было двое против меня одной, и это не считая приближающуюся жуть. К тому же, я на своей шкуре успела почувствовать мощь удара британца Гривейна… и этот человек не был ни чернокнижником-недоучкой, ни даже старшим чародеем Общества Туле. Такая сила могла происходить лишь из одного места.

Он был Волшебником Белого Совета.

И тут сразу вслед за страхом пришла другая эмоция. Ярость — чистая, неразбавленная ярость по отношению к этому человеку, к этому *существу*, которое отвергло свой долг перед человечеством, и исказило созидавшую вселенную силу в нечто настолько непристойное, настолько мерзкое.

Он был *чернокнижником*. Предателем.

Я дёрнула мечом в левой руке, затем выкинула правую руку вперёд, и в него ударила струя ослепительного в ночи обжигающего пламени толщиной не больше моего мизинца. Гривейн парировал удар своим собственным щитом, и ответил очередным разрядом молнии. Я поймала молнию на свой меч, но и того, что мне досталось, хватило, чтобы заставить меня упасть на колено — по моим нервным окончаниям прокатились волны боли.

Борясь с болью, я краем глаза увидела мерт-

вецов, стремительно взбирающихся на здание — они уже начинали выбираться на крышу. Ещё несколько секунд, и они порвут меня на куски.

Я заскрипела зубами, с трудом поднялась на ноги, и бросилась вперёд с мечом наперевес.

Гривейн собрал ещё силы, но придержал удар до последней секунды, когда я уже приблизилась… и тогда он что-то проревел, и ударил в крышу под нами чистой кинетической энергией, открыв прямо передо мной огромный пролом.

Я нырнула в сторону небывалой для меня изящности прыжком, перекатилась, и ощутила прокатившееся по мне жуткое, колющее, инвазивное присутствие некромантской энергии, поскольку я оказалась внутри их круга призыва… и вогнала клинок прямо в бок Александра Пэйджа, пронзив его сердце.

Чернокнижник испустил короткий, хриплый вздох. Из его внезапно потерявших чувствительность пальцев выпала барабанная палочка… и несколько секунд спустя повисла тишина, которую нарушал лишь стук костей, падавших через два этажа вниз на улицы Додж Сити.

Я сидела, пригнувшись, уставившись на Гривейна, с дёргающимся на моём мече Пэйджем. Гривейн слегка улыбнулся. А потом, больше не

сказав ни слова, он просто шагнул назад, и перевалился через край здания, молча упав во тьму за его пределами.

Я вырвала меч из Пэйджа, и бросилась за ним… но к тому времени, как я добралась до края и глянула вниз, я уже ничего не увидела. Совсем ничего, кроме лежавших на пустой улице костей.

Я была так сосредоточена на Гривейне, что не ощутила нападения сзади, пока не было уже почти слишком поздно.

Меня внезапно наполнила боль, простая *боль*, будто всё моё тело внезапно сунули в бушующее пламя. Я сдавленно завопила, выгнув спину, и с трудом удержалась от того, чтобы самой не упасть с крыши.

— Сучка! — выдохнул Пэйдж. Он, шатаясь, шёл по крыше, одной рукой отчаянно пытаясь унять пульсирующий поток крови из раны, которая через несколько мгновений станет фатальной. — Стражская сучка. *Dolor igni*!

Боль на несколько секунд стёрла все остальные мысли из моей головы. К тому времени, как я снова смогла видеть, я лежала на краю крыши, готовая упасть, а смертельно бледный Пэйдж стоял надо мной, приставив мой собственный меч к моему горлу.

— Ты меня убила, сучка, — сказал он, хватая ртом воздух. — Но в ад я отправлюсь не один.

Я попыталась отдёрнуться в сторону, оттолкнуть клинок, но моё тело просто отказывалось мне повиноваться. По мне прокатилась волна чистого, яростного, беспомощного ужаса, какой я раньше испытывала лишь в жутких кошмарах с бегом по зыбучему песку.

Пэйдж бешено хихикнул, и надавил на меч.

Гром расщепил воздух, и его голова дёрнулась назад, разлетевшись облаком кровавых брызг. Мой меч выпал из его пальцев, а его тело обмякло, и с подкошенными ногами неуклюжем кулем повалилось на крышу.

Я медленно повернула голову.

На улице внизу стоял Уайетт Эрп, позади него тянулась вереница почти безголовых, потерявших движущую их силу трупов, и все имевшиеся у него револьверы — кроме последнего.

Он опустил оружие, и в формальном жесте коснулся пальцем края своей шляпы.

* * *

— Вы уверены, что не можете остаться, Мисс Анастасия? — спросил Эрп.

Я покачала головой. Карл, снова скрывший

свою истинную суть, гневно топнул копытом по грязи улиц Додж Сити, пока я загружала в его перемётные сумы свежие припасы.

— Боюсь, что не могу. Учитывая то, что эти двое всё ещё на свободе.

Эрп хмыкнул:

— Никогда не видел, чтобы кто-то так упорно выдрать себя из пут, — сказал он. — Кем же был этот немец?

Я почувствовала, как у меня в отвращении кривятся губы, а язык ощутил кислый привкус страха.

— Если полученная Белым Советом информация верна, его зовут Кеммлер, — сказала я. — А тот британец был одним из его учеников, Гривейном.

— Плохие люди?

— Одни из самых опасных среди всех живых, — сказала я. — Надо взять их след, пока ещё есть возможность.

Он кивнул:

— Понимаю. Жаль, что ужина не случится.

Я подмигнула ему, и сказала:

— Возможно, в другой раз.

Он улыбнулся, и слегка наклонил свою шляпу. Затем протянул мне руку.

Я её пожала.

— Мэм, — сказал он. — Думаю, я, наверное, таки выиграл бы у вас те двадцать долларов.

Вместо ответа я открыла свой кошелёк, вытащила золотую монету, и кинула ему. Он её поймал, широко улыбаясь.

— Выпейте за меня, Помощник.

— Думаю, так и поступлю, — сказал он. — Доброй охоты.

— Благодарю, — сказала я.

* * *

Мы с Карлом направились прочь из города с началом рассвета.

— Я устал, — сказал *накен*.

— Я тоже, Карл, — ответила я.

— Кеммлер, — презрительно сказал *накен*. — Ты нашла его лишь мне назло. Чтобы я не мог покинуть это ужасное место.

— Прекрати мне докучать, — вздохнула я. Затем проверила кожаный мешочек, висевший на шнурке. Эрп был весьма прав насчёт того, что Кеммлер выдирал себя из пут, которые его сковывали. Он оставил после себя достаточно кожи, чтобы я могла навести на него следящее заклинание. Мешочек слегка покачивался в ту

сторону, куда удалился величайший некромант в истории человечества. — Мы всего лишь выполняем наш долг.

— Долг, — возмущённо сказал Карл. — Ненавижу эту землю.

— Я и сама её не особо люблю, — ответила я. — Давай. Шевелись.

Карл пустился усталой рысью, а я покрепче натянула шляпу на голову. Позади нас начало вставать солнце, золотое и тёплое, а мы ехали всё дальше на Запад.